

ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

КРУГЛОЗОР

12/90

Музыкальные штрихи «Ялты-90»
Вечная магия театра

Наедине с музыкой А. Караманова
Бесприигрышный дебют Н. Ступишиной

С вами говорят потомки Романовых
Мелодии Востока на Медео

СЛУШАЙТЕ В НОМЕРЕ:

Офра Хаза — звезда мировой эстрады
Михаил Жванецкий: «Там, где нас нет»

Колдуны дают уроки
Бессмертные звуки «Большого вальса»

Судьба песен Михаила Звездинского
Знакомьтесь: группа «Любэ»

Итак, мы перестраиваем и перестраиваемся. С муками и издержками. Одна из них — неспособность властей полностью отказаться от поступков, мораль которых никак не согласовывается с их громогласными декларациями. Неумение и нежелание прогнозировать общественную реакцию. А это отталкивает людей от участия в реформе жизни, особенно молодых, острее иных реагирующих на нравственное лукавство.

Когда одно лишь упоминание о привилегированных поликлиниках стало вызывать у людей нервный тик, в Верховном Совете СССР создали комиссию с целью разбирательства в этой проблеме и... с прежней сновской спустили вопрос на тормозах. Но, даже отвлекаясь от этой злополучной проблемы, мы можем смело утверждать, что иные привилегии и не надо сейчас уничтожать. Ибо, пока деньги не стали мерилом таланта, действительных результатов труда и получаемых при этом возможностей, привилегии не могут исчезнуть.

Вспомним, в голодное время гражданской войны вопрос о продовольственных привилегиях — и в материальном, и в нравственном смысле — стоял не менее остро, чем сегодня. Однако общество, кажется, довольно легко согласилось обеспечить особым снабжением известных писателей, ученых, художников, композиторов, стремясь сохранить для собственного же блага самый ценный свой капитал. (Другое дело, как этим капиталом потом распорядились и как за то поплатились.) Если бы нынешнее управление Совмина, ведающее своими больницами и санаториями, поступило аналогичным образом, не было бы и этой постыдной общественной проблемы.

Бывшего генерала КГБ Олега Калугина лишили звания, награды, положенной ему пенсии и т. п. За что? Нам неведомо. В том, что он сказал на страницах прессы и по телевидению, как будто нет ничего неожиданного, секретного. Может быть, было что-то еще, более важное, о чем мы просто не знаем? Но тогда почему нельзя об этом узнать? Тем более если это где-то опубликовано, сказано и уже тем самым перестало быть секретом.

Я не исключаю, что с Калугиным поступили справедливо. Но когда от меня скрывают причины, я начинаю сомневаться в справедливости наказания. И вот результат: в крае, где Калугина знают так же мало, как в Москве, если не меньше, он получает почти 60% голосов избирателей на выборах в Верховный Совет СССР.

Не надо было большого ума, чтобы предвидеть этот результат: люди получили возможность выступить против пренебрежения их гражданским и человеческим достоинством, требуя уважения к себе со стороны власти. И выступили.

А разве не то же произошло в случае с Гдяном и Ивановым?

В большинстве своем люди не исключали, что в той или иной степени, возможно, есть вина и за этими людьми. Но они понимали и другое: не меньшая, а часто большая вина за теми, кого и не думают привлекать к ответственности. Значит, хотят именно их привлечь к суду? Но где же тогда справедливость?

Как боролись, чтобы не дать Иванову выступить по телевидению! И каждый, естественно, полагал, что, раз не дают, значит, есть тому что сказать в свое оправдание и в осуждение других. Но вот наконец прорвался Иванов с немалым скандалом к камерам Ленинградского телевидения. И что же? Оказалось, что в тысячах метров документальной съемки зафиксированы свидетельские показания, которые мне предлагается принять за неопровержимые улики. Простите, но мы имеем достаточный исторический опыт, чтобы не ставить между ними знак равенства. Так зачем нужен был весь этот скандал?

Сегодня мы знаем достоинства Б. Н. Ельцина как политика, гражданина, человека. Время проявило их и сделало для всех очевидными. Но большинство сегодняшних приверженцев российского лидера не знало этих его качеств, когда на Политбюро, а затем на пленуме МКГ партии шло уничтожение человека в духе приснопамятного времени: тупо, неуклюже, с использованием замшелых, осточертевших демагогических стереотипов. Результат известен. В основе его — протест простых людей против лицемерия и неправды.

Замечательный русский поэт Афанасий Фет сказал: «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется». Метафора красива и умна. Но это вовсе не значит, что не надо стараться предугадывать последствия брошенных в мир слов. И поступков. Особенно тем, кто у власти.

НОСТАЛЬГИЯ ПО БУДУЩЕМУ

Р. Чивилите
(1 премия)

На первой звуковой странице
вы услышите песни «Робинзоны»
и «Джулия» в исполнении
Е. Сысоевой и М. Фадеева.

ЯЛТА-90

Эстраду можно сравнить с рожущим поездом, который мчится, останавливаясь на больших станциях, но иногда притормаживает и на полустанциях. Счастливицами, которые удобно расположились в вагонах этого поезда, отправившегося после конкурса «Ялта-90» в заманчивое будущее, оказались киевлянин Александр Егоров, Росита Чивилите из Вильнюса, сибирячка Елена Сысоева, москвичка Ирина Епифанова и Максим Фадеев из Кургана. Нет, для них не были заранее забронированы места, они достались им решением жюри, они завоевали их своим талантом, своими песнями.

Может быть, главное, что роднит этих разных по дарованиям, вокальным возможностям и артистизму молодых исполнителей, — иронические краски, которыми были окрашены едва ли не все их песни. Но за этим наиграшем — живые чувства вечных кочевников

М. Фадеев
(III премия)

Е. Сысоева
(II премия)

по эстрадным маршрутам: их неизбывная тоска по дому, тяга к родным пенатам, тревоги о семье, о своих малышах, мечты о любимом человеке, раздумья о жизни, о будущем...

Об Александре Егорове, заслужившем Гран-при, мы уже писали. А первую премию жюри присудило Росите Чивилите, актрисе, надежденной сильным, выразительным голосом, броской внешностью и уже наработавшей солидный опыт, выступая в одном из популярных в Вильнюсе варьете. Ее песня «Шалуныя» композитора Р. Мичиниса позволила продемонстрировать и свой вокал, и свою душевную энергию. Песню «Быть с тобой» она пела на литовском языке, но уже само ее название позволяло догадываться, о чем Росита поведала залу. Ей же достался необычный приз спонсорской фирмы «Пепси-кола». Ноябрьским утром ей было обещано встретить день рождения в корзине воздушного шара, который представители фирмы поднимут в небо ее родного города.

После драки, говорят, кулаками не машут, но многие журналисты и зрители, если судить по их восторженным аплодисментам, отдали пальму первенства Елене Сысоевой. В ней чувствуются сибирская стать и красота, подспудно kloкочущая эмоциональность и безраздельная самоотдача, которые напомнили мне молодую Аллу Пугачеву. В родном Красноярске она окончила училище искусств, получила профессию актера Театра музыкальной комедии и с бригадами местной филармонии исколесила едва ли не все родные края. В ее пользу свидетельствовали внешность, темперамент, пластичность, с которой она движется по сцене. Ну и, конечно, песня «Робинзоны», которая сразу же получила, так сказать, статус хита. Веселая, чуть ироничная мелодия, танцевальные ритмы и остроумный, не лишенный злободневности текст: «Уеду из Союза к Робинзону Крузо, уеду не надолго, совсем не навсегда...»

Судьба шлягера ожидает и вторую ее песню — «Скрипач». Она написана на стихи изысканного, романтического поэта Н. Гумилева, которые пробились в наше время через трагедии и кровь времен культа и застоя.

Уроженца Кургана Максима Фадеева, прежде чем он оказался на сцене телевизионного конкурса эстрадной песни «Ялта-90», судьба изрядно помытарил. Мало того, что юноша перенес операцию на сердце, он, явно отмеченный незаурядным талантом, долго мыкался на разных танцевальных и клубных площадках. Учился в музыкальной школе по классу рояля, а окончил ее как дирижер.

Унаследовав от матери-цыганки горячую кровь и экспансивность, он в жизни всем своим обликом напоминает ковбоя из американского вестерна. А когда выходит на сцену и начинает темпераментно исполнять песни «Танцую на битом стекле» или «Джулия», подерживая их ритм острыми танцевальными па, невольно вспоминаешь Челентано. Уже после первого тура телефон в его гостиничном номере надорвался с утра до вечера — звонили организаторы концертов из Москвы, Ленинграда, американские продюсеры. Так что он успел вскопоть на подножку мчавшегося мимо поезда.

Есть такое понятие — бридж. Это как бы мостик, перекинутый между берегами западной музыки и нашей эстрадой, гармоничевкий прием, все заметнее проникающий в современную эстраду. Такие же мостики соединяли многих участников ялтинского конкурса с некогда блиставшими звездами. Старые песни были в самом деле хороши, многие сохранили до наших дней свой неувядаемый аромат. Таких мелодичных, порой незамысловатых песен ой как не хватает людям в наше трудное и тревожное время. До чего же прелестью прозвучала в исполнении Сергея Долгополова некогда популярная «Последняя электричка». По-новому, с ощущением нынешнего времени преподнес публике старый шлягер А. Макаревича «За тех, кто в море» Сергей Силькевич из Гомеля. Даже Александр Егоров не удержался против общего поветрия и спел знаменитого в 50-е годы «Мишку». Уж как измывались над ним в свое время критики, а вот, поди же ты, не забыт и сегодня, говорят, в большой моде на Западе.

Белокурая звезда мюзик-холла Росита Чивилите вышла на сцену с песенкой «Эй, моряк!» из кинофильма «Человек-амфибия». Елена Сысоева еще на школьных концертах приводила в восторг молодежь песенкой «Ищу тебя» из кинофильма «31 июня». Ну, а эстонец Петер Кирс явно рассчитывал эпатировать публику, когда, появившись на сцене в рабочей кепке, бросил в зал знакомые с детства слова: «Смело, товарищи, в ногу!» Нет, никого они не шокировали, а, наоборот, прозвучали как призыв держаться плечом к плечу в нашей нелегкой борьбе за перестройку.

Да что там говорить, до чего же дивны эти старые песни! Это ностальгия по будущему, они не только возвращают нас к прошлому, но и дают силы набирать обороты в нашем движении к обновлению жизни.

Бор. МИХАЙЛОВ

г. Ялта
Фото Алексея ЛИДОВА

Новый год, как и начало очередного театрального сезона, всегда побуждает к осмыслению сделанного. Порадовал ли театр открытиями в минувшем году? Апплаудами, переполненными залами, шумным успехом? Да, все это было. Отчего же тогда не оставляет чувство какой-то неудовлетворенности? Ощущение, что театр, который в годы застоя был нравственной трибуной, маяком, отстаеет ныне от реальной жизни? Об этом и пошел у меня разговор с театральным критиком, доктором искусствоведения, автором книг о М. Булгакове и МХАТе Анатолием СМЕЛЯНСКИМ.

ТЕАТР! НУ, ДЫШИ, НУ, СУЩЕСТВУЙ! ②

— Что ж, не все ожидания оправдались. Это естественно, поскольку, на мой взгляд, связано не с литературой и не с театром, не с искусством, а с какой-то неясностью и тревогой, свойственной самой жизни, с тем, что в нашей жизни происходит. Люди не уверены в будущем, никто не знает, что его ждет завтра. Страшная нестабильность. Откуда же ждать от искусства стабильности и уверенности?

Искусство — это голос народа, живое его дыхание. Когда реальность бесформенна, разрушаются традиционные формы нашей жизни и не создаются новые, когда в обществе царят негативные эмоции, раздоры, склоки! Когда общество потеряло бодрость — что делать театру? В этой ситуации искусство вносит свет, вносит лад, извлекает гармонию из хаоса.

— Были ли в 90-м году попытки обрести эту гармонию?

— Мне кажется, «Поминальная молитва» — замечательный спектакль, поставленный Марком Захаровым. Это попытка внести в дисгармоничный мир настроения всеобщего понимания, единения и смысла. Стать «над». А ведь это и есть самое трудное. У нас всегда таких людей преследовали и уничтожали. И писателей таких не приветствовали. Обязательно надо было встать в какую-то колонну: в правую — левую, в белую — красную. Помните;

Все рядком лежат —
Не развезь междой.
Поглядеть: солдат.
Где свой, где чужой?
Белый был — красным стал:
Кровь обагрила.
Красным был — белый стал:
Смерть побелила.

Вот это страшно. «Все рядком лежат — не развезь междой» — Булгаков, Цветаева, Ахматова, Па-

стернак. Все лучшее, что дало нам искусство XX века, — это все трагические судьбы людей, которые пытались встать «над». Это очень трудная, высокая точка зрения, которая редко удается художнику.

Такой спектакль, как «Поминальная молитва», для меня попытка хоть чуть-чуть умиротворить человеческое сердце.

— Отчего же сезон не знал острых политических тем? Жизнь политизируется все больше, а театр — все меньше. Естественно ли это?

— Пожалуй, да. Театр не отражение жизни, а ее противовес. Вспомним, когда жизнь была стоячим болотом, театр горел и пульсировал. Теперь человеку, при-

— Только некоторые. Три-четыре. Большинство театров в брежневские времена были сервильно-конъюнктурными. Хотя в то же самое время, с трудом пробиваясь к зрителю, творили Г. Товстоногов, О. Ефремов, Ю. Любимов, А. Эфрос, М. Захаров, Р. Стурга. Их спектакли были единственным местом, где открывался клапан и вырывались перегретые эмоции общества. Для чего нужен такой клапан? Такой театр? Чтобы общество видело и контролировало само себя.

— Вы автор многочисленных статей, рецензий, книг о театре. Трудно ли сегодня быть театральным критиком?

— И да, и нет. По сути, эта профессия лишь начинает появлять-

шедшему в театр, меньше всего хочется смотреть «политические» спектакли. Для этого существуют «Пятое колесо», «Взгляд», «До и после полуночи» и т. д. Театр начинает утешать страсти человеческие.

Много Чехова, классики; много подходов к большому спектаклю, большому стилю. И при этом — активный студийный поиск, экспериментальный, авангардный, как, скажем, у режиссера Ю. Пугачева в студии на Красной Пресне. С другой стороны, «Павел I» — попытка крупной формы, серьезная работа в театре Советской Армии режиссера Леонида Хейфица с превосходной трактовкой главной роли Олегом Борисовым. Наконец, жанры театрального фельетона. Очень остроумно, блестяще поставлен в «Современнике» «Кот домашний средней пушистости» по пьесе В. Войновича и Г. Горина. Великолепная актерская работа В. Гафта.

Да, неудовлетворение... Это дороже, чем радость и восторги пятилетней давности. Однако сегодня мы имеем и традиционный, и авангардный театр, и возможности любого поиска. Но по закону жизни из этой протоплазмы обязательно что-то появится, выживет, пробьется и станет художественным, свежим, новым театральным словом.

— Есть ли шанс у нашего театра стать местом развлечения, как на Западе?

— До этого нам еще далеко. У нас спектакль не развлечение. Наша театральная общественность к развлекательному театру относится с опаской: это, мол, не в наших традициях — у нас пока сцену рано превращать в чистое удовольствие для довольных и сытых людей.

— Да, у нас театры всегда были трибуной общественной мысли

ся. В свое время у нас было несколько очень талантливых, замечательных людей, которые в конце 60-х годов перестали писать о театре, стали заниматься наукой. И это понятно. Раз не может быть собственного мнения, объективная, независимая критика прикладывается долго жить. На крупнейшее явление театра — «Таганку» даже не откликнулись. Одна положительная или отрицательная статья не в счет. Каков общественный резонанс спектаклей, было совершенно неизвестно. Только сейчас появляется честная, талантливая критика.

— Какова, на ваш взгляд, воспитательная роль искусства?

— Наверное, искусство может только одно — создавать некоторые предпосылки, условия для того, чтобы человек сам себя вос-

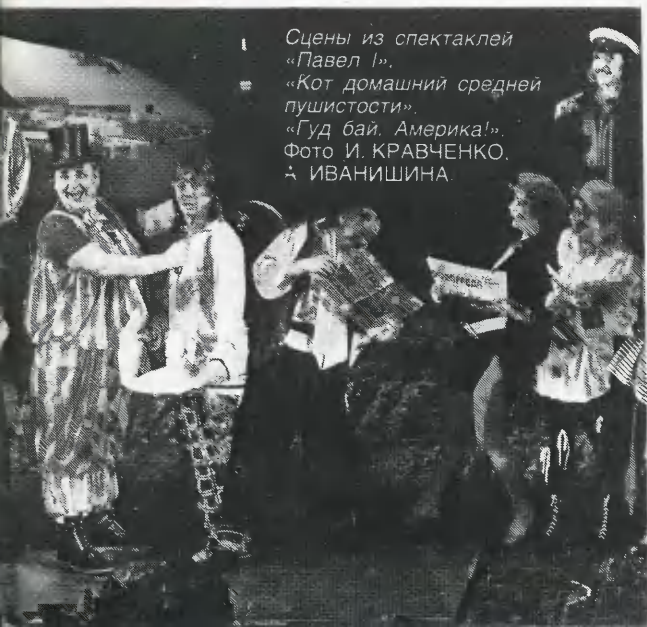
На второй звуковой странице — ведущие театральные критики за «круглым столом» «Кругозора» и фрагменты спектаклей московских театров.

питал, потому что нет ничего более важного и сложного в жизни, чем самостроение. Это самая трудная духовная работа над собой. Поскольку жизнь располагает к духовной лени, довольствию тем, что есть. Настоящее искусство вырывает нас из этого болота, поднимает до состояния нравственного очищения, катарсиса. Пусть на пять минут, но ты вдруг понимаешь: сколько же можно было сделать и как несовершенна твоя жизнь и ты сам! В этом смысле искусство всегда есть упрек человеку, и вместе с тем оно показывает возможность выхода. Оно всегда оптимистично. Но пока это не стало твоей внутренней потребностью, никаких изменений не произойдет. Значит, есть более мощные рычаги, которые влияют на человека, а искусство в этом смысле — это только некие условия, возможности, берега, которые тебе говорят: «Ну, войди сюда, ну, существу!» ■

Беседу вела И. СМЕРНОВА

Сцены из спектаклей
«Павел I».
«Кот домашний средней пушистости».
«Гуд бай, Америка!».
Фото И. КРАВЧЕНКО.
А. ИВАНИШИНА

Д. Шостакович
(60-е годы):
«Это один из самых
оригинальных
молодых
композиторов».

А. Шнитке (1989 г.):
«Я могу назвать
десятки высокоодаренных
людей,
которые абсолютно
безвестны
и бедствуют.
Например,
в Симферополе
живет феноменально,
на мой взгляд,
одаренный
композитор —
Алемдар Караманов».

Должна вам признаться, эти цитаты, послужившие эпиграфом к статье, со всей очевидностью подтверждают трагическую закономерность во взаимоотношениях Таланта и нашего парадоксального Отечества.

Шостакович, Шнитке... Вспомните об их собственной судьбе! Алемдара Караманова отличает от них только то, что его не забрасывали камнями, не топтали и даже не осуждали гневно во всеуслышание. Его просто не замечали. Вот так «незаметно» появились на свет десятки его камерных сочинений, два скрипичных и три фортепианных концерта и двадцать четыре симфонии...

Алемдар. Имя турецкое и в переводе означает «вперед несут»

ЕСТЬ ПРОРОКИ В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ!

На третьей
звуковой
странице —
фрагмент
симфонии
А. Караманова
«Азъ
и Иисус».

Фото А. РАТНИКОВА

МУЗЫКА ХХІ ВЕКА

щий знамя». Что ж, некоторый революционный оттенок имени человека, год рождения которого 1934-й, вполне понятен. Родители во все времена желали счастья детям. А наши родители 20-х и 30-х упорно считали, что их детей ожидает скорое и прекрасное коммунистическое будущее... Но если бы у родных Алемдара Караманова была возможность заглянуть немного вперед, возможно, они назвали бы своего сына, к примеру, каким-нибудь неведомым мне турецким именем, означающим «познавший горький вкус хлеба настоящего».

Алемдар в годы Великой Отечественной войны остался сиротой при живом отце, турке по национальности, высланном «за это» из Крыма в неизвестном направлении и оставившем не по собственной воле свою большую семью на грани голодной смерти. И потом, через 10, 20 и 30 лет и по сей день, когда одно за другим появлялись сочинения Караманова и, не нужные никому, складывались на письменном столе, ему снова надо было думать — на что жить? Он никогда ничего не просил. А время от времени за него, члена Союза композиторов СССР (престижной, по мнению многих, организации, гарантирующей хотя бы элементарный достаток), в эту самую организацию отправлялись хлопотать близкие, умоляя: «Издайте что-нибудь!» И это «нечто» иногда издавалось, записывалось или исполнялось (раз десять за всю его жизнь). И вновь удивительно отлаженный механизм нашей странно «организованной» культуры срабатывал по только ей присущему принципу — заглатывать все талантливое. И имя композитора вновь окружало безмолвие... Приключилось однажды с Карамановым такое: после долгого перерыва он появился в Москве и неожиданно встретил знакомых на улице. Произошло полное замешательство: «Боже мой, ты жив?! А тут уже несколько лет считали, что умер!..»

Из беседы с А. Карамановым: «Долгие годы сосуществовая на этом свете наедине со своей музыкой, постепенно приходишь к неверному убеждению, что это и есть реальная жизнь. И она должна дать тебе то, что ты отдаешь своему искусству. Но ты ошибаешься. Жизнь не всегда поворачивается к тебе доброй стороной, и ты просто попадаешь в ее жестокие объятия. Жизнь

трагична в своей сущности, как Христос, распятый на кресте, как все боги, нисходившие на Землю».

Если бы родители Алемдара Караманова могли предсказать его судьбу, они, возможно, нарекли бы его именем, означающим, наверное, «творящий наперекор». Он начал писать музыку в 8 лет. Его Богом был Моцарт. Он оставался его единственным кумиром долгие годы. Соученики Караманова по Московской консерватории посмеивались над ним: «Представьте, Алемдар не понимает даже Прокофьева и Шостаковича!» А затем его «с головой» захлестнуло увлечение авангардом. (Это произошло как раз в ту пору, когда в разгаре была борьба со всевозможными «измами». В результате он чуть было не вылетел из консерватории...) В 1975 году, на пике «холодной войны», он умудрился написать симфонию «Америка», повествующую о красоте этой страны. А в не менее неподходящий период обратился к религиозной теме.

Но когда все стало «можно», его музыка вдруг сделала крутой поворот. Она «заговорила» удивительно простым, ясным, классическим языком (если вообще классика может считаться простой). Вы услышите сами: это родная сестра космоса скрябинских видений и пульсирующего сердца, скорбящей души рахманиновского безбрежья.

Из беседы с А. Карамановым: «Не без конфликтов, драматических столкновений с самим собой я пережил переосуществление внутреннего духа, его очищение и принятие своего языка как нерасторжимого целого традиций, оплодотворенных тем живительным, что есть в современной музыке, всей музыке Земли, что я должен был найти и усвоить, чтобы понять истинное...»

Но что есть истина? Кажется, сейчас мы не знаем этого более чем когда-либо. Мы подавлены трагической непонятностью своего пути. Искусство, музыка мечутся, как и мы с вами. Правда, бодро и оперативно отозвалась на хронику событий массовая культура. Поклонники «серьезной» музыки — в ожидании грядущих глобальных обобщений. По прогнозам, они будут пессимистическими. Тем поразиительней на этом фоне музыка Караманова. Вы попадаете в какую-то невероятную по своей мощи энергетическую зону добра и светоносной силы.

— В вашей музыке добро и зло сосуществуют. Но добро оказывается сильнее. Современному человеку невозможно в это поверить!

— Я и сам замечал, что даже когда пытаюсь развернуть свою музыку в пессимистическую сторону, у меня ничего не получается. Моя музыка как бы ускользает из моих варварских рук и хочет светить. Художественное творчество является противовесом историческим преобразованиям цивилизации. Об этом говорил еще Шопенгауэр, сумевший ощутить живую генетическую связь, казалось бы, разорванных начал — духовного и материального. Чем больше мир погрязает в своих экономических и прочих материальных противоречиях, тем с большей силой этот противовес начинает уравновешивать непомерную тяжесть материальной жизни. Вспомним слова еще одного великого человека — поэта Надсона: «Мир устанет от зла, захлебнется в крови и прострет безграничной любви усталые руки...»

Я еще не рассказала вам хотя бы немного о музыке, которую вы услышите на звуковой странице. Это фрагмент симфонии «Азъ и Иисус, или Возрожденный из пепла», входящей в грандиозный цикл из шести симфоний «Бысть, или Поэма Победы». Библейские названия, как вы заметили, дублируются вполне светскими, вызываемыми у нас привычные ассоциации с военной темой...

Из беседы с А. Карамановым: «Главная задача моего симфонического цикла — передать в музыке вечную жизнь библейских истин, этих алгоритмов духовной жизни. Если у кого-то возникнут образы Великой Отечественной войны, что ж, они будут правы. Ужас той войны, нечеловеческая сила духа людей очень близки величию Книги Книг. Но слушатель найдет в моей музыке и каждую строчку, букву Библии. Хотя я сознательно не использовал ни одной религиозной цитаты».

— Но вот одна цитата, правда, светская, в вашей музыке все же есть: «Мелодия» Дворжака. Она проходит через весь симфонический цикл.

— Этот абсолют красоты — символ первоблаговестия святым, идущих с распортерным сердцем и несущих Христа всему миру...

Дебютанты шестидесятых... Полноте, а подходит ли под это определение Иосиф Бродский? Именно в шестидесятые — ни единой опубликованной на Родине строчки, позорное судилище и ссылки... Но в те же шестидесятые — венец из царственных рук Ахматовой, любовь и признание великого ордена посвященных — поэтов и читателей. А еще почти через четверть века — Нобелевская премия. За что судили поэта? Формально — за вольную трудовую книжку, не причлившую ни к одному отделу кадров. Фактически — за вольную душу, избравшую иное — не земное — рабство. Рабство пера и тетради, высокое рабство творчества. Волна, поднявшаяся в защиту Бродского, вернула его из ссылки в родной Ленинград, но, обессилевшая, рассыпалась пеной у дверей издательства. Ставшее тривиальным «Рукописи не горят» — неизбежно по отношению к Бродскому. Не только из-за судьбы. Сама поэзия его исторгнута из спрятанного, лежащего под спудом в заповедниках русской и мировой культуры. Читая Бродского, невозможно отделить быт от бытия, книжную

всезнаемость —
от первооткрытия
мира.

Плотность
смысловой ткани,
переплетения
смыслов столь
велика,
что едва ли
не каждая
строка поэта
одаряет новым
знанием о мире —
и чувственным,
и рациональным.

В стихах
Иосифа Бродского
изменяется
привычное
понятие
пространства —
оно становится
не физическим,
но — духовным.

Пропорции
смещены,
исчезает
трехмерная
перспектива,
и очертания
пространства
и времени
зависят
не от их
реальных
величин,

а от величины
нашего с вами
прозрения.
И вот уже,
открыв дверь
квартиры,
можно шагнуть
прямо на белый
лист бумаги,

а там —
от версты
отнять горе,
разлуку
умножить
на зарю
и вывернуть
горизонт
наизнанку,

как перчатку.
Вещи в поэзии
Бродского
оживают,
они обладают
человеческими
голосами...

Но все эти
чудеса имели
мало цены,
если бы
не служили
главному чуду —
преображению
души,

очищению ее
от мелкого,
суетного,
наносного.
Удивительно то,
что для этого
не надо
ни сентиментальных
сентенций,
ни возвышенно-
философских
рассуждений.

Достаточно
просто сказать:
«Я обнял эти
плечи
и взглянул...»

Александр
ЛАВРИН

ИОСИФ БРОДСКИЙ

Я ОБНЯЛ ЭТИ ПЛЕЧИ...

Я обнял эти плечи и взглянул
на то, что оказалось за спиной,
и увидел, что выдвинутый стул
сливался с освещенною стеною.
Был в лампочке повышенный
накал,
невыгодный для мебели
истертой,
и потому диван в углу сверкал
коричневою кожей,
словно желтой.

Стул пустовал,
поблескивал паркет,
темнела печка,
в раме запыленной
застыл пейзаж,
и лишь один буфет
казался мне тогда
одушевленным.

Но мотылек по комнате кружил,
и он мой взгляд с недвижимости
сдвинул,
и если призрак здесь
когда-то жил,
то он покинул этот дом,
покинул.

В ДЕРЕВНЕ БОГ...

В деревне Бог живет
не по углам,
как думают насмешники,
а всюду.

Он освящает кровлю и посуду
и честно двери делит пополам.
В деревне он в избытке.

В чугуне
он варит по субботам чечевицу,
приплясывает сонно на огне,
подмигивает мне, как очевидцу.
Он изгороди ставит, выдает
девицу за лесничего и, в шутку,
устраивает вечный недолет
объездчику, стреляющему
в утку.

Возможность же все это
наблюдать,
к осеннему прислушиваясь
свисту,

единственная, в общем,
благодать,
доступная в деревне атеисту.

ОТКАЗОВ ОТ СКОРБНОГО ПЕРЕЧНЯ

Отказом от скорбного перечня —
жест
большой широты в крохоборе! —
сжимая пространство

до перечня мест,
где я пресмыкался от боли,
как спившийся кравец
в предсмертном бреду,
заплатой на барское платье
с изнанки твоих горизонтов

кладу
на движимость эту заклатье!
Проулки, предместья,
задворки — любой

твой адрес — пустырь,
палисадник, —
что избрано будет для жизни
тобой,

давно, как трагедии задник,
настолько я обжил,
что, где бы любви
своей ни воздвигла ты ложе,

все будет не краше,
чем храм на крови,
и общим бесплодием схоже.

Прижми ж мой процент,
разменяв чистоган
разлуки на брачных голубок!
За лучшие дни поднимаю стакан,
как пьет инвалид за обрубок.
На разницу в жизни свернув
костыли,

будь с ней до конца солидарной:
не мягче на сплетне себе
постели,

чем мне — на листе
календарной.

И мертвым я буду существенней
для тебя, чем холмы и озера:
не большую правду скрывает
земля,

чем та, что открыта для взора!
В тылу твоём каждый
растоптанный злак

воспримет, как петел лядащий.
И будут круги расширяться,
как зрак —
вдогонку тебе, уходящей.

Глушеною рыбой всплывая
со дна,
кочуя, как призрак —
по требам,

как тело, истлевшее прежде
рядна,
как тень моя, взапуски с небом,
повсюду начнет возвещать
обо мне

тебе, как заправский мессия,
и корчиться будет на каждой
стене

в том доме, чья крыша —
Россия.

СТАНСЫ

Е. В., А. Д.

Ни страны, ни погоста
не хочу выбирать.
На Васильевский остров
я приду умирать.

Твой фасад темно-синий
я впотьмах не найду,
между выплывших линий
на асфальт упаду.
И душа неустанно
поспешая во тьму,
промелькнет под мостами
в петроградском дыму.
И апрельская морось,
под затылком снежок,
И услышу я голос:
«До свиданья, дружок!»
И увижу две жизни
далеко за рекой,
к равнодушной отчизне
прижимаясь щекой.
Словно девочки-сестры
из непрожитых лет,
выбегая на остров,
манут мальчику вслед.

■

Затем, чтоб пустым разговорцем
развеять тоску и беду,
я странную жизнь стихотворца
прекрасно на свете веду.
Затем, чтоб за криком
прощальным

лицо возникало в окне,
чтоб думать с улыбкой
печальной,

что выпадет, может быть, мне,
как в самом начале земного
движенья с мечтой о Творце,
такое же ясное слово
поставить в недалеком конце.

■

Воротишься на родину.
Ну что ж.
Гляди вокруг, кому еще ты
нужен,
кому теперь в друзья ты
попадеешь.

Воротишься, купи себе на ужин
какого-нибудь сладкого вина,
смотри в окно и думай
понемногу,

во всем твоя, одна твоя вина,
и хорошо. Спасибо. Слава Богу.
Как хорошо, что некого винить,
как хорошо, что ты никем
не связан,

как хорошо, что до смерти
любить
тебя никто на свете не обязан.

Как хорошо, что никогда
во тьму
тебя ничья рука не провожала,
как хорошо на свете одному
идти пешком с шумящего
вокзала.

Как хорошо, на родину спеша,
поймать себя в словах
неоткровенных
и вдруг понять,
как медленно душа
заботится о новых переменах.

ДЕБЮТАНТЫ
ШЕСТИДЕСЯТЫХ

— Вы не видите разве, — упрекнул меня как-то один высокопоставленный чиновник, — что в стране нет самого необходимого, народ накормить не можем, а вы печетесь о конкурсах красоты!..

Разговор шел в такой плоскости и в таком тоне, что я считаю, мне даже повезло — меня не обвинили в антипатриотических чувствах, в преклонении перед западной модой, ну и так далее в духе уже привычной риторики.

Я вовсе не настаиваю на том, что сейчас самое лучшее время для устройства конкурсов красоты. Просто я думаю, что, прежде чем что-то отвергать, стоит спокойно поразмыслить.

У каждого народа есть свои традиции, духовные приоритеты, выработанные веками привычки. С ними следует считаться, их не надо ломать, насиловать, бездумно внося в обиход то, что с ними не согласуется ни при каких условиях. Мы многие десятилетия следовали этому принципу. И что же? Много пользы принесли своему Отечеству?

Вот японцы, например, очень бережно относятся к своим национальным традициям. Но при этом открыты всему ценному, что есть в мире и что можно использовать в интересах народа. Плоды известны.

Конкурсы красоты смущают многих ревнителей целомудрия откровенной демонстрацией женской фигуры. Но почему это должно смущать? Все развитые цивилизации не чурались красоты и принимали ее как должное, как подарок природы. И лишь тоталитарные режимы во все време-

ПРАЗДНИКИ ВСЯКИЕ НУЖНЫ

На фото:
Мисс СССР-90
Мария Кежа

на стремились отвести от нее человеческий взгляд. Другое дело — чувство меры, чувство этической и эстетической нормы, которые следует соблюдать. Порой их нам не хватает. И не только конкурсам. Потому что естественные чувства, порывы, интересы на протяжении десятилетий искусственно сдерживались нелепыми установками. Одной из закономерных реакций на столь мудрую политику чиновников от культуры и стали в наше время многочисленные пошлые поделки эротического толка — в графике, живописи, фильмах, на сцене.

Конкурсы красоты, организованные умно, с соблюдением такта и вкуса, где дана возможность демонстрировать не только физическое совершенство человека, но и некоторые другие качества, показ которых согласуется с характером, «жанром» праздника, право же, неплохая выдумка. И не важно, где это впервые придумано — на Западе или на Востоке. Важно, чтобы это не противоречило нормам общечеловеческой культуры и по возможности находило общий язык с национальными традициями.

Теперь несколько слов о том, насколько соответствует наше сегодняшнее время проведению таких конкурсов.

С одной стороны, действительно, до праздников ли, когда множатся дефициты, полки магазинов не условно, а физически пусты, рынок посумасшедшему дорог, преступность растет и т. п.? Не пир ли это во время чумы?

Однако, посмотрев с другой стороны, приходишь к выводу, что вроде самое время. Изнервничавшемуся

обществу как воздух нужны сегодня красота, улыбка, юмор, веселье — в общем, праздник. Потому что невозможно каждодневно, в течение уже нескольких лет в нарастающем объеме питаться одной лишь негативной информацией, потоком льющейся со страниц книг, журналов и газет! Невозможно испытывать одни лишь негативные эмоции!

Я не могу сказать, что однозначно хорошо отношусь к многочисленным конкурсам красоты, которые прошли в нашей стране и с которыми я познакомилась. К их подготовке, организации, содержанию, судейству довольно много претензий со стороны зрителей, прессы и самих участниц. Большая часть этих претензий справедлива.

Согласна, что некоторые устроители таких шоу, подчинив нужную и красивую идею финансовому результату, немало дискредитировали главный смысл конкурсов — подарить людям по-настоящему яркий праздник. Вспоминаю многочисленные теле- и радиопередачи, а также газетные материалы, рассказывающие нашим читателям, зрителям и слушателям о том, как проходит отбор девушек, пожелавших стать фотомоделями в тех или иных зарубежных журналах.

Как только не соревновались репортеры и корреспонденты в иронии, как только не тешили телеоператоры, показывая порой не самых красивых девушек, решивших попытаться счастья. И они, мол, туда же, в калашный ряд. А невидомка, что характеризовали таким образом прежде всего самих себя, свою этическую да и прочую безграмотность.

Многие журналы, отбирая фотомodelи, ищут не кукольные лица, не стереотипную красоту, а прежде всего необычность облика, особенность взгляда, привлекающую нестандартность фигуры, особой красоты волосы и т. п. Ищут «изюминку», которая заставит обратить внимание на модель. Самих же девушек на эти фотопробы, на конкурсы красоты влечет желание обрести возможность безбедной жизни, завоевать популярность, увидеть мир. Разве все это не естественно, предсудительно?

Конкурсы красоты становятся все больше. Те, кто не принимает их в принципе, пророчат, усмехаясь, что скоро дело дойдет до конкурсов на звание «мисс подъезда». Меня не пугают подобные пророчества. Если они будут сбываться и в наши подъезды придут праздник, улыбка, веселье, дружелюбие, мы все только выиграем от этого.

Не может какое-нибудь одно, даже очень хорошее, дело изменить сразу к лучшему всю нашу жизнь. Прежде всего хочется избавиться от ставшей хронической материальной недостаточности нашего бытия. Дай Бог, чтобы избавление пришло быстрее. Но мы знаем, что одного его мало. Чтобы жизнь была жизнью, нужны еще хорошая литература, добротное искусство экрана и сцены, живописи и музыки, нужны красивые шоу, в том числе и конкурсы красоты.

Не знаю, спасет ли красота мир, как уверял нас классик. Но что-то в конце концов же должно его спасти! ■

Марина КРАЙНЯЯ

Авторская песня

На одиннадцатой звуковой странице — песни М. Звездинского «Поручик Голицын» и «Золотое бабье лето».

Фото
Алексея ЛИДОВА

Восемь лет, которые Михаил Звездинский, по его словам, «проторчал» в колонии в далекой Бурятии, он не вправе вычеркнуть из своей жизни. Вору в законе его не трогали — спасали гитара, его песни, которые знала и почитала эта публика. А когда Верховный суд, словно искупая вину, поменял статью на не столь суровую и отправил на поселение там же, в Бурятии, он пел свои песни на конкурсах самодеятельности и даже получал призы. А теперь он занимается открыто, легально всем тем, за что его мытарил по камерам.

Уже два с половиной десятилетия во всем мире звучат песни Михаила Звездинского. Их поют Вилли Токарев, Михаил Шуфутинский, Жанна Бичевская, Александр Малинин. Его знаменитого «Поручика Голицына» выдают то за «эми-

грантщину», то за романс неизвестного автора. А между тем он написал этот романс в 60-х. Такова же судьба и многих других песен Звездинского, например, «Очарованно» или «Старая, плачут свечи». Они начинали свой путь в вечерних подъездах, на студенческих застольях, у походных костров. Это — лучшее свидетельство таланта поэта, которому природа дала способность доносить свою музыку до самых глубин человеческой души.

Поэту и композитору Михаилу Звездинскому сорок пять лет. Он родился в Подмоскovie, но в 15 лет перебрался в Москву. Нет, не столичные радости влекут его, а вспыхнувшая любовь к джазовой музыке. Она привела его и в музыкальную школу. В шестнадцать лет стал профессиональным музыкантом, джазменом, барабанщиком. В его «послужном списке» выступления с Брилем, Чижиком... Толпы молодежи в Томилине, Люберцах и Малаховке стекались на танцы, когда играли эти «опальные» для Москвы музыканты.

Городской ностальгический романс и почти классический блюз — вот основные жанровые интересы Михаила Звездинского. Во многом его творчество питает русская литература начала века. Например, песня «Белая вьюга» была написана после прочтения романов Михаила Булгакова «Бег» и «Белая гвардия». С начала семидесятых М. Звездинский начинает записывать свои песни, которые сразу находят слушателя. Его первая пластинка, выпущенная фирмой «Мелодия», на прилавках не залежалась.

У Михаила Звездинского вы не обнаружите песен, которые можно было бы отнести к категории так называемой стилизации под блатные песни, как, например, это было на определенном этапе творчества Владимира Высоцкого и Александра Розенбаума. Хотя Звездинский часто пользуется сленгом, присущим его поколению шестидесятых годов. Это в основном бытовые сценки тех лет, музыкальные зарисовки. Не все его песни принимаются однозначно. Лучшие, главным образом в жанре городского романса, можно отнести к наиболее ярким образцам авторской песни.

Странная наша нынешняя ностальгия. Мы печалимся и с грустью вспоминаем то, что никогда не видели, не переживали. Отцы-то наши не всегда помнят это прошлое, скрывшееся за романтической далью времени. Но романсы и песни Михаила Звездинского, вызывающие зыбкое и трогательное чувство ностальгии, помогают нам избавляться от тоски, возвращают силы и надежду. ■

П. МОРОЗОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ НАДЕЖДЫ

БУДЕМ БЛИЖЕ ДРУГ К ДРУГУ

Цель нашей анкеты — узнать вас, дорогие читатели, проникнуться вашими заботами, проблемами. Конечно, мы это делаем не ради какого-то лобопытства, а надеемся, что ваши искренние ответы помогут нам в работе над нашим журналом. Итак, за дело!

1. Когда вы впервые познакомились с «Кругозором»?

2. Какие публикации вам особенно запомнились и почему (в том числе и в 1990 году)?

3. Какие темы и проблемы вас волнуют больше всего?

4. Есть ли у вас какое-нибудь увлечение, интерес, и отвечают ли им страницы нашего журнала?

5. От каких рубрик, по вашему мнению, нам надо отказаться, а какие, наоборот, сохранить? В частности, интересны ли вам наши новые рубрики — «Память, говори!», «Возрожденные традиции», «В мире непознанного»?

6. С кем из ученых, депутатов или другими популярными личностями вы хотели бы встретиться на страницах «Кругозора»?

7. Как вы относитесь к публикациям на темы эротики, секса?

8. И, наконец, чего, на ваш взгляд, не хватает журналу?

Ждем ваши ответы в адрес «Кругозора» с пометкой на конверте: «Наша анкета».

Отечественная история в последние годы стала не только приобретать черты большей объективности, объемности, но порой и ошеломлять нас такими подробностями, фактами, от которых просто голова идет кругом. Многие из того, что раньше замалчивалось, обретает законное право на объективную реальность. В том числе и реальность существования нашего русского зарубежья со всем его жизненным разнообразием. Перестроечный процессам мы обязаны и тем, что стали возможными все укрепляющиеся контакты с представителями русской эмиграции всех периодов, или, как говорят, волн. Ведь «железный занавес» на самом деле был опущен задолго до «холодной войны», а приподняв, признаемся, совсем недавно. Они, эти контакты, дополняют наши знания и способствуют возрождению нашей угасающей духовности. Вот о чем мне думалось, когда я покидал Ленинград, проведя там несколько изумительных дней в обществе... графа Бернадота и князя Романова.

Выставка «Оптические сны», организованная германской фирмой «Интерартекс» и Государственным академическим театром оперы и балета имени М. Мусоргского, вызвала у ленинградцев ошеломляющий интерес. Казалось бы, имея «Эрмитаж» и Русский музей,

с уничтожением некоторых других высокородных особ этой фамилии. Кому-то удалось чудом вырваться из полыхающей России в первые же дни после февральского и октябрьского переворотов. Кто-то успел еще раньше, предчувствуя неотвратимость беды и отвратительность беспредела. Ну а еще была третья категория потомков царского рода. К ней-то и относится граф профессор Леннарт Бернадот.

Я довольно подробно и давно изучил генеалогическое древо Романовых. Так вот, у Александра III был младший брат, Павел, дочь которого, Великая княгиня Мария, то есть двоюродная сестра Николая II, вышла в 1908 году замуж за принца Вильгельма, сына шведского короля Густава. Через год, 9 мая 1909 года, у них родился сын — принц Леннарт Шведский. Он и есть граф Л. Бернадот.

Принц Вильгельм и принцесса Мария жили, естественно, не в России, но побывали там вместе с четырехлетним наследником в 1913 году, когда в Санкт-Петербурге и Москве проходили торжества по случаю 300-летия дома Романовых. Так что второй раз город на Неве Бернадот посетил спустя 77 лет! И выглядел он, насколько я мог заметить за неделю общения с ним, бодрым и жизнерадостным, не потерявшим чувства юмора и прямой осанки при своем двух-

НАШИ ВЕЛИЧЕСТВА

Или о том, как полезно посещать вернисажи

5

Петергоф и Царское Село, жителей северной столицы трудно чье-либо удивить. Однако все дни Мраморный зал Государственного музея этнографии народов СССР был полон до отказа.

Автор выставки — граф Леннарт Бернадот в течение долгих лет увлекается цветной крупноформатной фотосъемкой цветов и растений. Но не вообще цветов и растений, а тех, что произрастают на принадлежащем ему острове Майнау в северной части Боденского озера. Причем флора на полотнах графа выглядит неожиданно новой для, казалось бы, все уже видевшего глаза. Цветы, перенесенные Бернадотом на слайды, действительно живые существа со своим внутренним миром, любовью, эротикой даже. Но если вы думаете, что граф-фотограф знаменит и удивителен лишь этим, вы ошибаетесь.

Известно: за рубежом живут десятки семей, представляющих династию Романовых, конец которой, к счастью, не наступил с омерзительно-диким убийством царской семьи в «незабываемом» 1918-м,

метровом росте и от груза прожитого 81 года. Лишившись права на шведское престолонаследие, так как он женился на полюбившейся ему, но простого происхождения девушке, Леннарт не очень-то печалился о несостоявшейся возможности стать со временем королем. Добрая бабушка подарила любимому внуку тот самый остров Майнау на Боденском озере, на котором молодой граф стал и хозяином, и лесником, и селекционером, и агрономом, и фотографом. Но и предпринимателем. Здесь он и прожил всю жизнь, не считая тех лет, когда, не желая сотрудничать с гитлеровским режимом (кстати, это гражданская позиция всех потомков Романовых), вынужден был покинуть имение.

По возвращении Бернадот приступил к осуществлению своей заветной мечты — создать на острове «Парк отдыха четырех времен года» с постоянно меняющимся набором цветов и сделать остров Майнау местом встреч для миллионов людей. И, знаете, это ему удалось. Майнау и его гостеприимного, мудрого хозяина знают во

На пятой звуковой странице — откровения графа Леннарта Бернадота и князя Михаила Романова.

На фото: граф Леннарт Бернадот в Ленинграде, 1990 г. Одна из его выставочных работ. Л. Бернадот со своей семьей.

и граф считает для себя большим счастьем то, что он вносит вклад в дело укрепления мира и сотрудничества. Не зря ведь он объявил свой остров «Садом для всех», а год 1991-й — годом русской культуры.

Теперь о другом здравствующем представителе рода Романовых, который в дни работы выставки тоже находился в Ленинграде. Он приехал из Парижа. Правда, 64-летний князь Михаил Федорович принял решение навестить родину предков тоже после долгих и мучительных раздумий. И, как он мне признался, по той причине, что просто боялся.

Однако князь напрасно волновался. Прием и ему, как и его кузене графу Бернадоту, был оказан теплый. Но оба титулованных господина прибыли в СССР как частные лица, и, естественно (а может, противостественно?), реакции на их появление у нас со стороны властей не последовало никакой: подумаешь, мол, какие-то графы да князья...

Позвольте, отец Михаила Федоровича — Великий князь Федор — был сыном Великой княгини Ксении Александровны, дочери царя Александра III и, значит, родной сестры последнего российского императора Николая II. А по матери Михаил Федорович — прямой потомок другого Великого князя — Павла Александровича, родного брата Александра III. Ну как, разобрались?

Михаил Федорович, когда он вошел в «накопитель» ленинградского международного аэропорта, мог бы оказаться и неузнанным встречающими. Простые брюки, рубашка, курточка, через плечо — сумочка с «молниями». Ну, может, рост и гордая осанка... Когда мы уже познакомились и провели какое-то время в приятных и потрясающе интересных беседах, у меня сложилось представление о Михаиле Федоровиче Романове, как о человеке добром и контактным. И никакого налета великосветскости. «Да и откуда? — говорил мне князь. — Я ведь всю жизнь работал, служил в армии, опять работал». В кинематографических кругах Запады князя Михаила знают как удачливого продюсера и солидного, правда, не снискавшего особых лавров режиссера. Жизнь не казалась князю медом. И всю эту долгую и не такую уж сладкую жизнь Михаил Федорович мечтал побывать в России.

Прощаясь с князем и графом, я чуть было не сказал: «Приезжайте еще! И не бойтесь нас». Хотелось надеяться, что приедут. И других привезут.

Борис БАРЫШНИКОВ
г. Ленинград

Фото Л. ЛАЗАРЕВА

всей Европе, во всем мире. И только мы узнали, к сожалению, совсем недавно. Уж больно старательно скрывали от нас информацию, связанную с благороднейшей миссией графа. Ведь он как-никак отпрыск из рода русских монархов, не вписывался в наши социалистические оглобли.

Последние лет 15 граф Леннат Бернадот вместе с графиней Соней Бернадот (это его вторая жена, родившая ему пятерых детей, младшей из которых — Диане — сейчас 6 лет!) живут под девизом «Сады — на благо человеку и природе!». И теперь Майнау превратился в сплав ботанического сада, парка, курорта и центра информации, где регулярно проводятся встречи ученых, политиков, бизнесменов, писателей, деятелей культуры и искусства. Здесь обсуждаются и решаются проблемы охраны окружающей среды.

Мысль посетить Россию возникла у графа неоднократно. Но в годы сталинизма это, сами понимаете, было бы равносильно самоубийству.

— Осуществить мечту мне помогли русские друзья, которым довелось побывать на Майнау, — говорит граф. — И мне доставляет особое удовольствие то, что меня пригласили именно русские люди.

Ежегодно остров Майнау посещает около двух миллионов человек,

Эмблемой Первого международного конкурса популярной музыки и песни «Голос Азии» стал наскальный рисунок, найденный в урочище Тамболы в Казахстане: солнце в окружении двенадцати пляшущих человечков. Символ возвращения к истокам национальных традиций.

...Уютный Центральный концертный зал Алма-Аты. Торжественное открытие конкурса «Голос Азии». Поднимается флаг ЮНЕСКО, звучат позывные. Муфтий Казахстана благословляет участников и обещает хорошую погоду.

На сцену выбегает озорной мальчишка, его зовут Муратик. Самый маленький клоун в мире. За свое самобытное искусство недавно удостоен в Италии серебряной медали. На поясе у него висят игрушечные верблюжата — талисманы участникам III тура. Их 44, а всего оргкомитету предварительно пришлось прослушать фонограммы более 200 претендентов. Каждый из них срезает с пояса мальчика

ФЕСТИВАЛИ. КОНКУРСЫ...

Шестая звуковая страница «Кругозора» познакомит с тремя участниками конкурса «Голос Азии»: группами «Азия», «Роксонаки» и Равшаном Намазовым с группой «Карс», которые исполняют песни «Салам алейкум» (И. Паша), «Бухар жырау» (музыка Р. Карина, слова Бухара) и «Базар» (узбекская народная).

ГОЛОСА АЗИИ

талисман и узнает свой порядковый номер.

Из жаркой, наполненной звуками журчащих арыков Алма-Аты перенесемся в прохладные предгорья Заилийского Алатау — в знаменитое урочище Медео. На высоте 1641 метр над уровнем моря и развернется песенное состязание. В чаше стадиона возвышается сцена со стилизованным шатром. Величественная красота гор довершает декорацию этого музыкального действа. Красочные национальные костюмы исполнителей добавляют последний штрих к восприятию причудливых восточных мелодий.

В первый день сразу выделились группы «Азия» (Туркмения), «Роксонаки» (Казахстан), «Центр Азии» (Тува), «Чорон» (Якутия) и солисты Андрей Мисин (Москва), Альберт Кувезин (Свердловск) и Равшан Каримов (Узбекистан). Они покорили слушателей разнообразием национального фолькло-

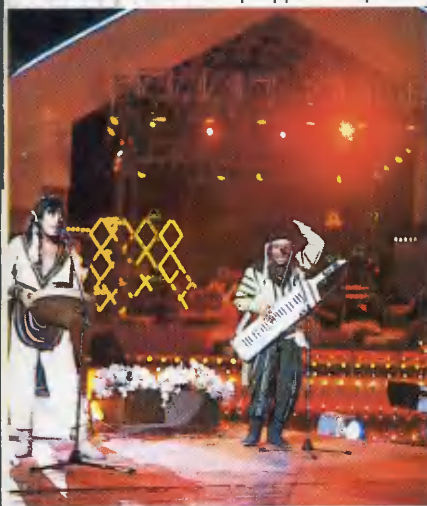
На фото А. СТУКАЛОВА:
группы «Азия»,
«Роксонаки»,
Р. Намазов
с «Карсом» и М. Жунусова.

ра, свежим музыкальным мышлением, интересными аранжировками.

Открытием второго дня стал Равшан Намазов с группой «Карс» из Узбекистана. Они «зажгли» стадион задорной народной песней «Базар». Блеснули профессионализмом признанные мастера советской эстрады — группа «Гунеш», Роза Рымбаева, ансамбль «Дос-Мукасан», Валерий Ярушин... Но, к сожалению, не было в их номерах оригинальности и новизны.

Волнения последнего тура не отразились на невозмутимом солисте монгольской группы «Чингисхан» — Хане. В его песне «Караван» о Великом шелковом пути и «Композиции о Чингисхане» было что-то завораживающее. А вот Макпал Жунусова, любимица местной публики, музыкальная и женственная, в изумительном по красоте белом национальном наряде, очень волновалась. Конечно, это отразилось на ее исполнении. Наконец, член жюри, американский композитор Джо Харнелл

объявил имена 12 счастливых, которые вышли в финал.

На предфинальной пресс-конференции Джо Бойд из Великобритании (президент фирмы грамзаписи «Ганнибал Рекордс», продюсер первого диска группы «Пинк Флойд») сказал: «Мы прибыли из разных концов света на это важное не только для СССР, Азии, но и для нас событие, ибо основная задача конкурса — наведение мостов между странами. Все мы люди опытные, но если говорить о музыке Средней Азии, то многие члены жюри ее слышали впервые. У нас свежее восприятие, мы не знали ни ваших звезд, ни других исполнителей. Критерии, которыми мы пользовались в оценке конкурсантов, — профессиональное мастерство, оригинальность программы и использование этнических элементов. Из опыта известно, что международное признание приходит только тогда, когда в своем творчестве артист сохраняет национальные корни. Пример

тому Элвис Пресли, Эдит Пиаф, Элтон Джон и, если брать классику, ваш Чайковский. Жюри уверено, что 12 финалистов заинтересуют слушателей разных стран и они захотят узнать музыку Средней Азии».

Один из трех советских членов жюри, Артем Троицкий, в своем страстном выступлении заметил, что в советской музыкальной культуре, так же, как в экономике, существует застой, и нужно ее вывести из этого состояния «шоковой терапией», а новые музыкальные идеи можно вытащить, опираясь только на этнические корни...

И наконец, беспрецедентный случай в истории конкурсов: три дня подряд пришлось выступать в заключительных концертах всем 12 финалистам, прежде чем жюри определило лауреатов, — видно, жаркие были дебаты.

Вот имена победителей: Равшан Намазов и группа «Карс» из Узбекистана — Гран-при; казахские исполнители группа «Роксонаки» — 1-я премия; тувинская группа «Центр Азии», М. Жунусова (Алма-Ата) — 2-я премия; группа «Чингисхан» из Монголии — 3-я премия. Андрей Мисин получил премию как лучший композитор конкурса и приз журналистских симпатий.

Мы услышали много новой, интересной, неизвестной широкому слушателю музыки, но наряду с этим на конкурсе порой звучала и жалкая имитация западных образцов, хотя и профессионально сработанная. Рок — и азиатский, и среднеазиатский — покорила слушателей и членов жюри. Исполнители заметно отличались друг от друга. Если у артистов из Тувы, Якутии, Свердловска больше экзальтации, если угодно, шаманства, созерцательности, внутренней сосредоточенности, то в азиатском роке больше темперамента и веселья. Но на конкурсе тех и других объединяли интерес к корневой музыке, к истокам, бережное использование этноса.

Многие слушатели на Медео были огорчены, что в финал не попали все именитые исполнители. Мне кажется, что ошибкой оргкомитета было приглашать одновременно на конкурс популярных певцов и совсем неизвестных новичков. Надо было бы ограничить и возраст участников.

Хотя горное эхо и технические накладки не способствовали безукоризненному воспроизведению песен под небом Медео, «Голос Азии» прозвучал свежо, в полную силу. Как не согласиться с восточной мудростью: «Караван выравнивается во время пути». Сохранилась надежда, что путь конкурса будет долгим.

Татьяна ПЛИСОВА
Алма-Ата, Медео

В Офре, стройной молодой женщине с большими карими глазами, чувствуется грация лани («офра» в переводе — маленькая лань). Слушая ее песни, переносясь в мир молчаливых мечтаний, звонких арыков и томных принцесс в восточных нарядах.

Родилась Офра Хаза в 1958 году в столице Израиля Тель-Авиве. Уже в 12 лет она пела и играла в музыкалах на самодеятельной сцене. В положенный срок, как любая израильская девочка, Офра отслужила солдатом в армии и считает, что армейский опыт пошел ей на пользу.

В 18 лет она становится знаменитостью, но... пока в пределах страны. И лишь спустя семь лет, заняв второе место на конкурсе Евровидения в Мюнхене, Офра приходит к мысли, что настало время завоевать подмостки Запада. Через два года свет увидел ее альбом «Иеменские песни», и зарубежные журналисты назвали его «крутым этническим поворотом». Смесь небесных иеменских мелодий XVII века с заземленными поп-ритмами произвела в англоязычных странах эффект разорвавшейся бомбы.

Из дыма и пламени этого «взрыва» является Западу Офра Хаза, несущая в своих песнях негу и боль, любовь и ненависть, тоску по родине и сострадание к ближнему. «Эти песни — подарок моим родителям и всем старым людям, которые принесли из Йемена в Израиль удивительную культуру», — сказала она в одном из интервью. В «Иеменских песнях» Офра использовала «Диван» — собрание арабских стихов и песен. Именно этот диск сделал ее звездой международного масштаба.

На счету у Хазы уже 20 альбомов, но она не может да и, наверное, не хочет останавливаться. Постоянный поиск экстравагантных решений — это стиль певицы.

Офре не чужда коммерческая жилка. Она удачно использовала интерес к ее творчеству, который стал расширяться, и в 1988 году выпустила на англоязычный музыкальный рынок диск, который имел огромный успех. Сама она считает, что всегда можно, не отступая от своих творческих принципов, совмещать приятное с полезным — искусство и коммерцию.

Ее творчество свидетельствует о поражении убогого взгляда, имевшего некогда хождение среди музыковедов, о том, что «мировая музыка должна характеризоваться примитивной «чистотой», неизощренностью и отсутствием коммерческого успеха». Наверное, не так уж плохо, если художник знает цену своему таланту?

Маленькая лань продолжает наступать. Какие новые напевы подарит нам певица в новом десятилетии? ■

Борис ОБНОВЛЕНСКИЙ

НАПЕВЫ МАЛЕНЬКОЙ ЛАНИ

На седьмой
звукостранице —
песни
«Пожелай
мне удачи»
и «Я байе»
(Алони
Безалел,
Офра Хаза).
Поет
Офра Хаза.

звезды
мировой эстрады

В последнее время я стала чаще смотреться в зеркало. И признаюсь — с удовольствием! Почти люблюсь собой. Знаю, что звучит не совсем скромно... Но женщинам, думаю, это можно. Даже нужно. Для самоутверждения.

Такая метаморфоза произошла со мной после не совсем обычной командировки в Сочи, в Школу нетрадиционных и народных методов лечения. По возвращении не только я заметила в себе перемену, но и мои сослуживцы. Нет-нет да и ловила я на себе их испытующе-настороженные взгляды.

— Ты там, в Сочи, подружка, кажется, какой-то чертовщины нахваталась, — сказал мне как-то самый серьезный среди наших сотрудников под ехидное хихикающее молчание других. — Вот и глаза, как у булгаковской ведьмы, враскосок стали...

Это правда — сама в зеркале заметила. Да и вообще что-то во мне изменилось. В смысле возможности. Могу, например, предугадывать кое-что, предвидеть, предчувствовать. Наконец, летать могу! Конечно, во сне. Но раньше-то об этом и не мечтала. Мне стало легче жить, значительно проще воспринимать все злоключения нашей повседневности. Мистика!

Я, закоренелая материалистка, после короткого курса лекций, не колеблясь, стала признавать существование неких нематериальных (полевых — так это звучит по-научному) форм жизни, соглашаясь с существованием незримого и непостижимого «всемирного разума», верю в диагноз и излечение на расстоянии (хоть из Сочи на Камчатку или в Антарктиду, Луну и даже дальше!), в помощь неземных сил... Да что это со мной?!

Может быть, это магия авторитетов, ведь лекции читают, опыты показывают не какие-нибудь дилетанты, а доктора наук! Философия, физика, проблемы медитации, этика врачевания...

Аудиторию этой школы тоже обыкновенной не назовешь. Нет, конечно, не все там были «колдуны» и «чародеи». Многие из трехсот слушателей только еще начинали учиться. Например, врач из Гомеля, радиопизик из Твери, художник-оформитель из Красноярска и крестьянин из Грузии — все они старательно воспринимали науку Жизнь.

Можешь излечить — лечи, можешь облегчить, утешить — найди страждущих и помоги. Жертвам Чернобыля и злой воли, страдающим от собственной горемычной жизни — всем без исключения помогают народные врачеватели. Причем ничего замысловатого в этом нет. Просто надо пробудить в себе жалость ко всему живому,

стать как можно добрее и милосерднее и относиться ко всяким недугам людей с сочувствием и состраданием. Все мы в большей или меньшей степени больны отчуждением друг от друга. Банально, но в единении найдем исцеление, успокоение души, избавление от физических и духовных страданий.

Я благодарна тем, кто, несмотря на чудовищное противодействие власти предрежащих, воплотил в жизнь идею создания школы экстрасенсов. Кстати, очень многие из тех, кого называют этим мудреным словом, морщатся, им не по душе какая бы то ни было исключительность. Ведь экстрасенсом, по их мнению, в той или иной ипостаси может стать любой. Так вот сначала родилась ассоциация Международный центр народной и нетрадиционной медицины «Кавказ», а затем — школа. Как мне рассказал президент ассоциации Ю. П. Ткаченко, народная медицина, увы, убыточна. И вот, чтобы «народники» могли существовать, могли лечить в превосходных, специально выстроенных (таковы ближайшие планы!) клиниках, оснащенных новейшим оборудованием, чтобы уже будущей весной страждущие исцеления могли пройти по «Тропе здоровья» в предгорьях Кавказа, в окрестностях всемирно известной

Красной Поляны, при ассоциации создаются филиалы. Чего только они не производят — от магнито-тронов до уникального вездеходного самолетного шасси. А на вырученные деньги можно будет не только субсидировать наших народных целителей, но и приглашать для обмена опытом «знахрей» со всего света.

Повторю: я материалистка, но почему-то в эту сказочную надежду верю. Верю, и все тут...

Марина НАТАЛИЧ
г. Сочи

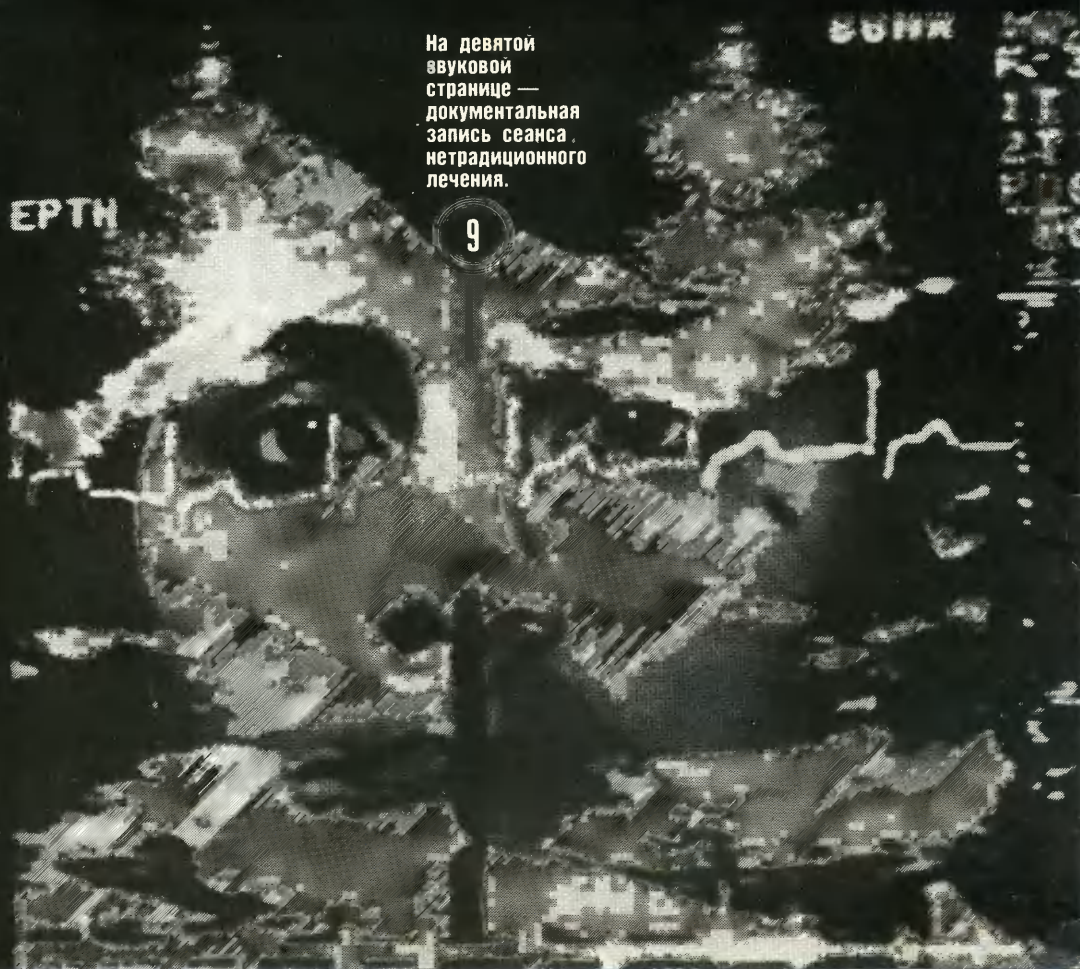
ПОСЛЕСЛОВИЕ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЙ

В лихие, неблагоприятные времена, с тревогой ощущая свою незащищенность перед неведомым будущим, мы готовы безотчетно отдаться во власть провидцев, экстрасенсов, разного рода врачевателей, обладающих, как нам кажется, совершенно волшебными возможностями.

В эти годы особенно много узнаешь о летающих тарелках и их лояльных обитателях, о народных умельцах, исцеляющих заведомо неизлечимых больных, о провидцах, которые давно, оказывается, предсказали почти поименно наши

На девятой
звуковой
странице —
документальная
запись сеанса
нетрадиционного
лечения.

9

ШКОЛА КОЛДУНОВ? ПОЖАЛУЙ...!

В МИРЕ НЕПОЗНАННОГО

сегодняшние беды и знающих лучше любых академиков от экономики, когда и как разрешится рынком давно беременная им страна. Бесчисленные чудеса, которые рядом, не трогают нас. Мы спокойно можем раздавить букашку, не подумав, что уничтожили умопрачительной сложности компьютер. Бросив расхожее «подумаешь!», мы не подумаем удивиться, узнав, что у ребенка родинка оказалась на том самом месте, что и у мамы, а голос точь-в-точь повторяет папин. Зато мы закатываем от восхищения глаза, когда экстрасенс, проведя ладонью вдоль нашего туловища и почувствовав в одном месте особое тепло, безошибочно указывает на местоположение нездорового органа.

М. Наталич верит в народную медицину, в народных врачевателей. Почему это должно вызывать у кого-то возражения? Известно ведь немало случаев, когда неведомые «знахари» оказывали реальную помощь там, где наука оказывалась бессильной. Правда, известно и немало случаев шарлатанства, спекуляции — бессостойной и безнравственной — на человеческом несчастье и доверчивости.

«Не навреди!» — гласит одна из главных заповедей, адресованная врачу. Еще более жестко, чем к дипломированному специалисту, она должна быть отнесена к тому, кто действует в согласии лишь с одной интуицией. Вот и все. И если так называемый народный врачеватель готов следовать этой заповеди с полным сознанием своей ответственности, пусть лечит и исцеляет — от душевной депрессии и от язвы желудка. Сказать «На здоровье!» здесь будет более чем уместно.

Если пациент способен воспринять действия такого врача, будь это самовнушение, гипноз, целебность воздействия самой личности врачевателя или медицинское средство, отсутствующее в фармакологическом справочнике, но проверенное веками наблюдений, снова повторим: «На здоровье!»

Только при всем том не надо рисовать мистические образы и картины, не надо рождать новые мифы. Мы познали их сверх меры. Слепая, безрассудная вера в нечто чудотворное, когда она не покоится на разуме, пусть даже предполагающем существование непостижимого, чревата горькими последствиями.

Сделаем из сказанного лишь одно исключение, разделив с Мариной Наталич ее убежденность, что булгаковская чертовщина, поселившись в женщине, делает ее вдвойне загадочной, а потому и вдвойне прекрасной. ■

И. ГРИГОРЬЕВ

Обращаюсь к вам с большой и, может быть, не совсем обычной просьбой. У меня есть все номера вашего журнала за 26 лет его существования. Но, к сожалению, случилось так, что я долго болел в этом году и не смог купить четвертый номер за 1990 год. Все попытки достать его (и не только в Ленинграде) не увенчались успехом.

За все время знакомства с журналом я не перестаю жалеть о том, что «Кругозор» — неподписное издание. И даже вот теперь, когда сняты практически все ограничения на подписку по всем ранее лимитированным изданиям, «Кругозор» по-прежнему неподписной. Поэтому я считаю совершенно бесполезным делом обращаться по этому вопросу в адрес Министерства связи СССР и другие подразделения, а хочу через журнал попросить своих сердобольных соотечественников, всех, кто не является собирателем «Кругозора», кто уже прочитал, прослушал записи, и журнал ему не очень нужен, написать мне. Я готов купить «Кругозор» № 4 за 1990 год. Живу я в Ленинграде, блокадник, сейчас на пенсии.

Поверьте, «Кругозор» стал для меня единственным коллекционным «хобби». У меня теперь прекрасная домашняя фонотека, отражающая жизнь нашей страны, в том числе и музыкальную, за четверть века, а ведь это интереснейшая эпоха.

Пишите мне по адресу: 199176, г. Ленинград, ВО, 12-я линия, д. 37, кв. 28, Иванову Владимиру Викторовичу.

Кстати, у меня есть и такое предложение к редакции: попробуйте выяснить, сколько человек в стране так же, как я, собирают и хранят все номера журнала.

Редакция принимает предложение читателя из Ленинграда и с удовольствием узнает имена таких же фанатичных поклонников журнала.

■ Не надеюсь, что мое письмо будет напечатано, так как понимаю, что журнал не резиновый. Но не дает покоя мне письмо Е. Молчанова, опубликованное в вашей рубрике «Нам пишут» в «Кругозоре» № 7—90 г. Поэтому тоже решила высказать свое мнение о группе «Ласковый май». Так же, как и Е. Молчанов, я слушаю разнообразную музыку, правда, предпочитаю больше романсы. Что касается его высказываний, что слушать «Ласковый май» могут лишь «очень юные», то этим Америке он не открыл, ведь группа и была создана для подростковой аудитории и в общем-то подростками. Я и мои знакомые — люди отнюдь не юного возраста, однако, когда ходим в походы, просто собираемся вместе, то предпочитаем слушать «Ласковый май». Да, я согласна, что их песенки просты и незатейливы, но кто возразит, что такая музыка иногда просто необходима, чтобы отдохнуть, расслабиться. Зачем же сразу называть песни «Ласкового мая» «сплошным повторением и бессмыслицей»? Поверьте, что через два-три года те мальчишки и девчонки, что сходят

НАМ ПИШУТ

с ума на концертах этой группы, повзрослеют и сами поймут, что к чему. Я с симпатией относилась к звуковым страницам «Кругозора», так как на них всегда были демократично представлены все жанры музыки.

Е. А. Назарова, Подмоскovie

Мнение Е. Назаровой имеет право на существование. Материал об этой группе мы постараемся дать в одном из будущих номеров.

■ Хочу вам дать дельный совет. Суть его проста. Те, кто изучает иностранные языки самостоятельно (английский, французский, немецкий и т. д.), не имеют большой возможности купить учебник с пластинками. Это минус в самостоятельной работе. Почему бы вам не попробовать упростить проблему изучения иностранных языков, выделив одну пластинку для этой цели? Допустим, в январе — пластинка с английским текстом-диалогом. В феврале — с французским и т. д. Не думаю, что это новшество кого-то здорово потеснит, лишит слова. А «Кругозор» усилил бы просветительские функции. Думается, возрос бы еще больший интерес к журналу, что немаловажно сейчас. Ведь возникают все новые и новые издания, печатающие детективы, материалы об истории церкви. А это мощная конкуренция даже для журнала с пластинками.

А. Вахрушев, г. Москва

К этому предложению мы прислушаемся. Может быть, и впрямь пора заговорить «Кругозору» на иностранных языках.

■ Уважаемая редакция!

Думаю, я выражу желание многих читателей «Кругозора», попросив вас рассказать на страницах журнала об А. М. Кашпировском и дать пластинку с записью нескольких сеансов этого любимого всеми нами врача. И обязательно напечатайте его фотографию. Не буду хвастать, что после его сеансов все мои болячки прошли, но с каждым его выступлением улучшается мое настроение, а следовательно, и самочувствие. Вселяет надежду на лучшее уже то, что есть на свете человек, который готов тебе помочь.

Хочется иметь дома «Кругозор» с пластинками, на которых записаны его лечебные беседы, и время от времени прослушивать их для поддержания бодрости духа.

Сделайте, пожалуйста, такой шаг милосердия, и вам будут благодарны тысячи пожилых людей.

А. А. Герасимова, инвалид II группы, 63 года, г. Геленджик

С подобной просьбой к нам обращаются многие читатели. Удастся ли нам ее выполнить — зависит не столько от нас, сколько от согласия А. Кашпировского.

На фото: И. Ильф и Е. Петров.

Предлагаемый вниманию наших читателей текст не вошел в роман И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок». В конце 20-х — начале 30-х годов кипели бурные дискуссии вокруг творчества выдающегося режиссера-документалиста Дзиги Вертова, исповедовавшего эпатаровавшие коллег нетрадиционные взгляды на проблемы кинофакта. Понимая дискуссионность позиции Д. Вертова и время, которое было на дворе, авторы «Теленка» решили не включать в роман сюжетную линию Бориса Древляннина, дабы не быть повинными в «святой простоте», как та старуха, что подкинула хворосту в костер, на котором сжигали Яна Гуса.

Сегодня мы признаем, что Дзига Вертов внес гигантский вклад в становление и развитие экранной публицистики, заслуги его неоспоримы. И мы публикуем ныне неизвестный широкой публике фрагмент «Золотого теленка» (он относится к раннему этапу работы над романом — Черноморск еще именуется Одессой) по одной лишь этой, представляющейся нам достаточно веской причине.

А. ЮРОВСКИЙ

Этот молодой человек был отравлен сильнейшим из кинематографических ядов — ядом кинофакта.

Год тому назад тихий греческий мальчик с горящими любопытствующими глазами из Папы-Модерато превратился в Бориса Древляннина. Это случилось в тот день, когда он окончил режиссерский цикл кинематографических курсов и считал, что лишь отсутствие красивого псевдонима преграждает ему дорогу к мировой известности. Свой досуг Древлянин делил между кинофабрикой и пляжем. На пляже он загорал, а на фабрике всем мешал работать. В штат его не приняли, и он считался не то кандидатом в ассистенты, не то условным аспирантом.

В то время из Москвы в Одессу прикатил поруганный в столице кинорежиссер — товарищ Крайних-Взглядов, великий борец за идеи кинофакта. Местная киноорганизация, подавленная полным провалом своих исторических фильмов из древнеримской жизни, пригласила товарища Крайних-Взглядов под свою стеклянную сень.

— Долой павильоны! — сказал Крайних-Взглядов, входя на фабрику. — Долой актеров, этих апологетов мещанства! Долой бутафорию! Долой декорации! Долой надуманную жизнь, гниющую под светом юпитеров! Я буду обыгрывать вещи! Мне нужна жизнь, как она есть!

К работе порывистый Крайних-Взглядов приступил на другой же день.

Розовым утром, когда человечество еще спало, новый режиссер выехал на Соборную площадь, вылез из автомобиля, лег животом на мостовую и с аппаратом в руках осторожно, словно боясь спугнуть птицу, стал подползать к урне для окурков. Он установил аппарат у подножия урны и снял ее с таким расчетом, чтобы на экране она как можно больше походила на гигантскую сторожевую башню. После этого Крайних-Взглядов постучался в частную квартиру и, разбудив насмерть перепуганных жильцов,

проник на балкон второго этажа. Отсюда он снова снимал ту же самую урну, правильно рассчитывая, что на пленке она приобретет вид жерла сорокадвухсантиметрового орудия. Засим, немного отдохнув, Крайних-Взглядов сел в машину и принялся снимать урну с ходу. Он стремительно наезжал на нее, застигал ее врасплох и крутил ручку аппарата, наклоненного под углом в сорок пять градусов.

Борис Древлянин, которого прикомандировали к новому режиссеру, с восхищением следил за обработкой урны. Ему самому тоже удалось принять участие в съемке. Засняв тлеющий окурочок папиросы в упор, отчего он приобрел вид паровой трубы, извергающей дым и пламя, Крайних-Взглядов обратился к живой натуре. Он снова лег на тротуар — на этот раз на спину — и велел Древляннину шагать через него взад и вперед. В таком положении ему удалось прекрасно заснять подошвы башмаков Древляннина. При этом он достиг того, что каждый гвоздик подошвы походил на дынышко бутылки. Впоследствии этот кадр, вошедший в картину «Беспристрастный объектив», назывался «Поступь миллионов».

Однако все это было мелко по сравнению с кинематографическими эксцессами, которые Крайних-Взглядов учинил на железной дороге. Он считал своей специальностью съемки под колесами поезда. Этим он на несколько часов строил работу железнодорожного узла. Завидев тощую фигуру режиссера, лежащего между рельсами в излюбленной позе — на спине, машинисты бледнели от страха и судорожно хватились за тормозные рычаги. Но Крайних-Взглядов подбодрял их криками, приглашая прокатиться над ним. Сам же он медленно вертел ручку аппарата, снимая высокие колеса, пронесшиеся по обе стороны его тела.

Товарищ Крайних-Взглядов странно понимал свое назначение на земле. Жизнь, как она есть, представлялась ему почему-то в виде падающих зданий, накренившихся на бок трамвайных вагонов, приплюснутых или растянутых объективом предметов обихода и совершенно перекоренных на экране людей. Жизнь, которую он так жадно стремился запечатлеть, выходила из его рук настолько помятой, что отказывалась узнавать себя в крайне-взглядовском зеркале.

Тем не менее у странного режиссера были поклонники, и он очень этим гордился, забывая, что нет на земле человека, у которого не было бы поклонников. И долго еще после отъезда режиссера Борис Древлянин тщательно копировал его эксцентричные методы. ■

Рисунки М. ЗАРЕЦКОГО

НАША ПУБЛИКАЦИЯ

Ильф ИЛЬФ,
Евгений ПЕТРОВ

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИЗВЕСТНОГО РОМАНА

Господа!

Все-таки оправдались наши подозрения, что в перестройке какой-то замысел был. Потому что в то время, как наверху происходят сложнейшие, математически выверенные перемещения, не может быть, чтоб были брошены на произвол 280 миллионов полноценных членов Союза.

И точно. А ну, вспомним, где это мы видели, чтоб народ был так независим от правительства и надеялся только на себя?

Где это разгул преступности и жители сидят в домах, вооружившись до зубов?

Где это рэкет среди бела дня терроризирует деловых людей?

Ну?.. Верно! Так называемый свободный мир, то есть капитализм. Нас незаметно и быстро, палками и газом перегнали в капитализм. Мы уже здесь. То есть мы уже там. Так что пугания частной собственностью никого уже не веселят.

Желать успешного хозяйствования колхозам при капитализме может только идиот. Надо рассчитывать на те учреждения,

что могут работать при капитализме, как-то: лепрозории, крематории, колумбарии, дельфинарии и бюро брачных знакомств. Обращаться в исполкомы, райкомы, собесы бесполезно — они в этом строе не действуют.

Я не думаю, что мы попали в расцвет капитализма, похоже, мы сразу — в кризис, в большую депрессию.

Вообще какой-то странный капитализм — без еды, одежды и капитала. И социализм был такой же — без еды, одежды и квартир. Опять наш русский путь, в котором виноваты вот эти... не хочу говорить, они и так знают и виновато бегут куда попало.

Тут некоторые бросились к самому Президенту:

— Чем нам грозит свободный рынок?

Он ответил, что практически ничем — как ничего не было, так и не будет. Так что для паники оснований нет. Однако путь наш выбран верно. Прошлое мы свое заслужили, а будущее заработали. И мы с этого пути не свернем. Но сориентироваться надо. Уточнить, где сейчас мы, а где остальные страны. Сейчас надо посоветоваться с Бушем: пока не

удается улучшить жизнь наших людей, не может ли он ухудшить жизнь своих. На какое-то время, если хочет дружить. А до тех пор, пока Америка так жрет, очень трудно дружить по-настоящему. В общем, пусть ухудшат жизнь до тех пор, пока люди оттуда не побегут сюда. Потом мы ухудшим, в свою очередь, до тех пор, пока они отсюда не побегут туда. И установим равновесие.

Вот сейчас очень интересная идет работа с нашими бумажными деньгами. В целях борьбы с инфляцией нас ударили налогом. И кто только что зарабатывал много денег, на которые нечего купить, сейчас будет зарабатывать мало денег, на которые нечего купить. Но многие расстроились. Чисто психологически. Как, мол, что это такое?!

Приятно, когда денег полно. Особенно перед девушкой. Вынул из кармана пачку и переложил в другой карман: куда, мол, пойдём, Мария? Хотя идти некуда.

А путь, на котором мы сидим, верный. Нас за него должны долго и горячо благодарить все. Мы сидим там, куда могли попасть они, если б чуть раньше взяли за Маркса и крепко изучили теорию.

СМЕХ В ЗАЛЕ

М. ЖВАНЕЦКИЙ
«Давайте так:

страх испытывать можно, а бояться не надо!»
Выступление писателя слушайте на восьмой звуковой странице.

Фото
И. ГНЕВАШЕВА

СВОБОДА СТОИТ ТОГО

ТАМ, ГДЕ НАС НЕТ

Спасибо, вы знаете, кому мы впервые поверили: действительно ли там хорошо, где нас нет.

Вы знаете, да! Очень хорошо! И хорошо, что нас там нет, поэтому там хорошо.

Где мы есть — там плохо.

И плохо нам, где нас нет.

Нам плохо всюду. Это уже организм. Это уже характер.

Поэтому мы хмурый, а мы хмурый, потому что плохо там, где мы есть.

А от того, что мы там есть, становится еще хуже, а куда бы мы ни собирались, мы привезем это с собой.

«Нет счастья в жизни» — на левой груди. «Иду туда, где нет конвой» — на правой ноге. И хоть конвой там нет, но зарешеченный взгляд остался, и песня тихая в душе. Тихая, блатная. Как же там жить, если блатные песни только здесь, где мы есть? Что такое наш фольклор — тюрьма! Народное искусство — пение в тюрьме. Крикни на любом базаре: «Встать! Руки за голову!» — посмотри, что будет. Именно тут, где мы есть.

Половина сидит, половина охраняет, потом меняются. А те, что на свободе, те условно. Очень услов-

но. На синем теле голубые слова. Стихи из жизни на жилистых ногах: «Куда вы торопитесь?», «Любимый червь, не грызи уставшее тело, дай отдохнуть», «Сердце раскроется каждому, кто нальет пива».

И последняя запись на лбу: «Лейтенант, дай пройти!»

Прочитаешь человека, — дай ему пройти, лейтенант, пускай идет туда, где нас нет. Там хорошо. Хотя ребята прибежали — есть места, где нас абсолютно нет, а там все-таки не очень хорошо. И населения много, и оно все хитрое, и они тоже себе думают: там хорошо, где нас нет, и сюда смотрят.

Но если их здесь нет, а все равно плохо, может, кто-то из них все-таки здесь есть, так же, как кто-то из нас — там, хотя и проверяли, и морды били неоднократно, чтоб точно — вас здесь нет, нас там нет. Однако! Нехорошо и тут, и там. Но таких мест очень мало. И основной закон они не опровергают, только усложняют доказательство. Поэтому опять повтора: неоднократно приезжая туда, не делайте вид, что вас там нет. Вы там есть! А вот здесь вас уже нет. И от этого здесь может неожиданно стать лучше. Но вы этого уже не увидите. Так что каждый думает сам.

Михаил
ЖВАНЕЦКИЙ

СВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

12 (321) декабрь 1990 г.
Год основания 1964

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
МУЗЫКАЛЬНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

© ИЗДАТЕЛЬ —
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СССР
ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ
1990 г.

На первой странице
обложки —
Мисс СССР-90
Мария Кежа

Звуковые
страницы
изготовлены
Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным
Домом
радиовещания
и звукозаписи.

Сдано в набор
15.10.90.
Подп. к печ. 24.10.90.
Формат 84 × 108 1/16
Бумага офсетная.
Офсетная печать.
Усл. п. л. 1,68.
Усл. кр.-отт. 6,30.
Уч.-изд. л. 3,50.
Тираж 210 000 экз.
Зак. 2948.
Цена 1 р. 50 к.

Адрес редакции:
113326, Москва,
Пятницкая, 25,
«Кругозор».
Телефон редакции:
241-67-67.
Ордена Ленина
и ордена
Октябрьской
Революции
типография
имени В. И. Ленина
издательства
ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП,
Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

Главный редактор
Б. М. ХЕССИН
Редакционная
коллегия:
Б. Б. БАРЫШНИКОВ,
Е. М. ВИНУКОВ,
М. А. ЗАХАРОВ,
С. П. КАПИЦА,
А. Г. ЛУЦКИЙ,
О. П. МЕЛЬНИКОВА,
Р. В. ПАУЛС,
Т. С. ПЛИСОВА,
Ю. М. ПОЛЯКОВ,
М. М. РОШИН,
А. Я. ЭСПАЙ.
Технический
редактор
Л. Е. Петрова

ВЕЛИКИЙ «БОЛЬШОЙ ВАЛЬС»

Точный перевод названия этого фильма «Великий вальс», но в 1940 году, когда картина вышла на наши экраны, эпитет «великий» мог иметь отношение только к одному человеку. Назвать же вальс великим тогда у нас не решались.

«Большой вальс» собрал блистательных художников, бригаду подлинно интернациональную: режиссер Жюльен Дювивье и исполнитель роли Штрауса Фернан Граве — французы, переехавшие в ту пору в Голливуд; Милица Корьюс, сыгравшая оперную примадонну Карлу Донер, — шведка; Луиза Райнер, в фильме жена Штрауса Польди, — немецкая актриса, еврейка по национальности, вынужденная бежать из фашистской Германии; композитор, обработавший и заново инструментовавший для картины штраусовские мелодии, Дмитрий Тёмкин — русский, выпускник Петроградской консерватории, с 1925 года живет в США; поэт, написавший на музыку Штрауса стихи, Оскар Хамерстайн — американец... У каждого за плечами уже были успех и признание, награды и восторженные оценки критики.

Мелодраматическая история, рассказанная ими в «Большом вальсе», весьма далека от подлинной жизни Штрауса. На биографическую точность создатели фильма и не претендовали, они честно предупредили: «За исключением имен Иоганна Штрауса и Франца Иосифа II герои и события вымышлены. Любое совпадение с реальными лицами является чистой случайностью». Но в картине было другое, обеспечившее редкий для кинематографа повсеместный триумф, — она несла несколько художественных открытий.

Помимо актерских (режиссерский отбор исполнителей безупречен), главное из них — второе рождение музыки «короля вальсов», получившей в фильме новое, современное прочтение, зазвучавшей в темпах, приближенных ко дню нынешнему, с заново перекомпонованными сочинениями, ставшими впервые песенными шлягерами. И такая «вольность» гармонично сопровождает сочиненную сценаристами жизнь героев, их встречи, расставания, любовь, борьбу за место в сердце другого, все удивительные события и переживания, подлинность которых не вызывала сомнений ни у одного зрителя.

«В моей жизни фильм «Большой вальс» — особая статья, — признается Виктор Астафьев в своих «Записках». — Когда меня спрашивают, был ли я когда-нибудь счастлив, твердо отвечаю: «Да! Был!» —

и рассказываю про тот день, точнее, про зимнюю заполярную ночь, когда брел, гонимый пургой, и прибегнул к кинотеатру, как увидел рекламу фильма, как дрогнуло во мне что-то, как я решил найти рубль и нашел его, как смотрел «Большой вальс» и почти весь фильм уливался слезами от умиления и еще от чего-то, мной тогда да и по сию пору до конца не отгаданного». Писатель поясняет: «Люди на фильме «Большой вальс» плакали о другой жизни, которая, пусть и в кино, все же была. Фильм «Большой вальс» сделал в ту пору большую работу, чем все плакатное, крикливое, судорожное искусство «новой эры».

Одним из открытий фильма стала Милица Корьюс. Ее обаятельная героиня с великолепным голосом Карла Донер никого не оставила равнодушным.

Милица родилась в Варшаве. В семье было пятеро детей, музыка окружала их с детства: отец преподавал пение в Варшавском кадетском корпусе, мать, занимавшаяся домашними делами, очень любила петь. В 1914 году семья переезжает в Москву, где отец начинает обучать музыке лефортовских кадетов, а девочки поступают в Елизаветинскую гимназию. Милица мечтала стать балериной, но прекрасные вокальные данные заставили изменить намерения.

Однако занятия пением вскоре пришлось прервать: между родителями произошел разрыв. Мать

■ Хочешь жить от получки до получки — иди работать!

■ Компромиссное решение: ни вам, ни нам.

■ Юмор — это когда смеются начальники, сатира — когда смеются подчиненные.

■ Одна партия — хорошо, а две — хуже.

■ Как мы скрываем недостатки — это надо видеть!

■ Потому ничего и нет, что все куплено!

■ Какой резон объявлять голодовку, если все равно кушать нечего?!

■ Будущее, несомненно, за атомной энергетикой, если, конечно, оно будет.

■ Не все еще потеряно, так что все у нас впереди!

■ Так кто наш рулевой: партия или бюрократия?

■ Правда всегда была в цене, иногда ценой была жизнь.

■ Стимул есть — ума не надо.

■ Если встать на голову — многое сразу окажется понятным.

■ Цепи братства не могут быть крепкими.

■ Все можно было бы спасти, просто не все дают разрушать.

■ Развитой социализм — это уже вчерашний день.

■ Будешь много знать — отпрянут на пенсию.

■ Как только возглавим Совет, так сразу и отдадим им власть.

■ Какие синоптики — такая и погода.

■ Скажи мне — за кого ты голосовал, и я скажу — кто ты.

■ До чего это надо довести человека, чтобы он уже говорил то, что думает!

■ Когда считаешь чужие деньги, всегда получается больше.

■ Победителей не судят — их отправляют на пенсию.

■ В партию принимают не всяких карьеристов и демагогов, а лучших!

■ Партия ни в чем не виновата, виноваты коммунисты.

■ Интересно, сколько можно жить так, как жить нельзя?

А. ПЕРЛЮК
г. Кировоград

вместе с девочками и своим новым избранником перебирается в Киев, отец отправляется в Прибалтику. В городе на Днепре Милица поет в украинской капелле «Думка» и хоре под управлением Григория Веревки, а в 1928 году едет к отцу в Ковно, где продолжает образование.

В Таллинне постановкой ее голова занялась известный педагог Варвара Меломан, готовившая свою ученицу к оперной карьере. Начинающая певица выходит замуж за немецкого барона, человека не только знатного, но и очень богатого, оказавшего влияние на все ее творчество. Благодаря супругу 23-летняя Милица Корьюс становится солисткой Берлинской оперы и уже год спустя записывает свою первую пластинку. С середины 30-х годов Милица Корьюс с огромным успехом поет в оперных театрах США. Поет эпизодически и только в тех спектаклях, контракт на участие в которых подписывал ее супруг, очень не любивший «сценической богемы».

Для того чтобы снять Милицу Корьюс в «Большом вальсе», режиссеру фильма пришлось прежде всего заручиться согласием ее мужа, выдвинувшего ряд условий: он наблюдает за съемками, участвует в утверждении эскизов костюмов, в отборе дублей и т. д. Дювивье, восхищенный талантом Милицы, согласился на все и не ошибся: «Большой вальс» принес певице мировую славу.

Когда Милица Корьюс узнала, что в 1940 году «Большой вальс» стал едва ли не самым популярным фильмом в нашей стране, радости ее не было предела. Вместе с мужем и двумя детьми она собиралась приехать в Москву, но начавшаяся война спутала все планы.

А «Большой вальс», который стал все же великим, продолжал триумфальное шествие по нашим экранам. Вскоре после войны его купили во второй раз. Главкинопрокат знал, что делает. И снова зрители «от Москвы до самых до окраин» валили валом в кинотеатры. И снова, затаив дыхание, следили за перипетиями жизни героев фильма, и снова восхищались удивительным голосом забываемой Карлы Донер — Милицы Корьюс. ■

Глеб СКОРОХОДОВ

На десятой звуковой
странице вы услышите
музыку И. Штрауса
в исполнении Милицы Корьюс
(сцена во дворце и сцена
прощания из кинофильма
«Большой вальс»).

Дружба поэта Михаила Танича и певицы Наталии Ступишиной началась с телефонного звонка. Именитые авторы редко ищут знакомства с молодыми исполнителями. А песни Танича, как по заказу, приносят успех. Кажется, стоит только ему написать: «По аэродрому лайнер пробежал, как по судьбе», «Гляжусь в тебя, как в зеркало», «А я бросаю камешки с крутого бережка», — и незамысловатый в принципе образ приходит по душе слушателю. Однако даже самым удачливым поэтам нужны интересные исполнители. И когда Танич услышал на новой пластинке свою песню «Осенние цветы» на музыку Бориса Тимура, спетую Наталией Ступишиной, он позволил артистке.

Наташа оказалась готова к творческому взлету. Она окончила дирижерско-хоровое отделение института имени Гнесиных. Играла на бас-гитаре и пела в ВИА «Москвички». Затем выступала в варьете «Арбат», где невольно освоила всю мировую эстрадную «классику». Она пластична, 12 лет занималась фигурным катанием. Склонна воплощать в песнях образы ярких и разнообразных персонажей. Выступала с детской программой Михаила Райко и Бориса Шифрина, которую высоко оценили даже в Прибалтике, где культуру музыкального воспитания малышей ценить умеют.

Поначалу репертуар Ступишиной составляли интересные песни, но не более, не шлягеры. «Кажется, — замечает артистка, — редакторы специально приглашают молодого артиста со средненькими песнями, чтобы тот не мешал звездам». Подтверждением является ее первый миньон «Ночная музыка», выпущенный «Мелодией». Но вот последовала пластинка-гигант. Ее даже собирались назвать «Раздвоение», настолько контрастируют стили композиций — от панк-рока и психоделии до дискотанцевок. Таков, в сущности, и характер Ступишиной, поэтому пластинка в итоге была наречена ее инициалами — «НС».

Положил, как говорится, глаз на талантливую исполнительницу Ярославский хозрасчетный концертный центр. Что же, Наташе вполне по силам собственное шоу. Однако кооператоры оказались больше скорыми на слова, чем на дело. Промариновав актрису с музыкантами полгода в Ярославле, помахав перед глазами якобы оформленными соглашениями с балетной труппой из Орла, с радио и телевидением, с художниками будущей программы, бойкие «менеджеры» исчезли вместе с деньгами и документами. Но в распоряжении Ступишиной оста-

лась аппаратура, а художественным решением ее сценических работ и раньше занимался муж — художник.

Ну, а что же звонок Танича? Он открыл, на мой взгляд, самый яркий этап в творчестве Наташи. Три песни, написанные для нее поэтом вместе с молодым ленинградским композитором Игорем Азаровым, должны были объединиться под одним названием: «Только с пулеметом». Но, подумалось, это уж слишком устрашающе для коммерческих сингла и кассет, которые выпустит «Мелодия». А рассказывают песни про Анку, ту самую, что вместе с Чапаевым и его верным адъютантом Петькой промчалась в тачанке по дорогам гражданской войны. Надо ли вот так, всеу вспоминая знаменитую троицу? Некогда о ней слагали легенды и героические песни, а потом рассказывали анекдоты. Теперь

На четвертой
звуковой
странице —
песни
И. Азарова
на стихи
М. Танича
«Петя»
и «Политпросвет».
Поет
Н. Ступишина.

даже для эстрады наступил новый этап переосмысления истории.

«Соловецкий вальс» — так я назвала бы итоговую песню этого цикла — овеян музыкальной романтикой начала века. Только этот романс пронесся с эскадронами по военным перепутьям, на разбитом грузовичке по стройкам Совдепа. Но герои вдруг обнаружили себя привязанными к лошади для казни. Они пытаются вернуться к некоей человеческой норме, на круги своя. «Птица-тачанка, куда несешься ты?...» Вот так бойкое имя Анка, давнее название альбома, в песнях распадается на два слога «Ан-ка!», обозначающих и разочарование, и новую надежду.

Может быть, Наталия Ступишина и не рассчитывала на такой беспримиренный дебют «чапаевской» серии, ан-ка — получилось!

Нина ТИХОНОВА,
кандидат искусствоведения

КАМЕРТОН ЗВЗДА

ЗВЕЗДА «ЛЮБЭ»

На двенадцатой
звуковой
странице
в исполнении
группы
«Любэ»
вы услышите
песни
И. Матвиенко
и А. Шаганова
«Станция
Таганская»
и «Атас!».

Лихие и грозные налеты «люберов» в столицу, каждый раз заканчивавшиеся миллионскими протоколами, сильно подпортили репутацию подмосковного городка. Но, судя по последним событиям, в этом городе хватает симпатичных и прямых людей, крепких российских «мужиков», любящих свою малую Родину, озабоченных проблемами экологии и разгулом преступности и вспоминающих с тихой грустью героев нашего телевизора — сыщиков Глеба Жеглова и Володю Шаропова.

Именно этот новый образ обитателей Люберец создает в своих песнях группа «Любэ» и ее основной вокалист Николай Расторгуев. Группа эта не совсем обычная, ибо создана по утвердившейся на Западе продюсерской модели. Суть ее в том, что композитор-продюсер сочиняет музыку, записывает в студии, а затем из приглашенных вокалистов подбирает для работы подходящих по образу исполнителей.

По этому пути и пошли основатели «Любэ» — композитор Игорь Матвиенко и поэт Александр Шаганов, фигуры в мире поп-музыки достаточно известные. Матвиенко был музыкальным руководителем ансамбля «Здравствуй, песня!», потом создал группу «Класс», но его предыдущие сочинения укла-

дывались в рамки обычного «среднестатистического» попса. Шаганов был удачливым поэтом, сотрудничавшим с различными группами, но широкая известность пришла к нему после боевика «Черного кота» — песни «Владимирская Русь». Когда Игорь и Саша собрались для работы, речь не шла о копировании известных образцов поп-музыки или мелодичного хард-рока. Им хотелось собрать группу, которая бы оригинально звучала, а каждый исполнитель дополнял ее цельный образ, что в мире шоу-бизнеса ценится больше всего.

Музыка «Любэ» (или, вернее, Игоря Матвиенко) довольно неожиданно для сегодняшнего состояния отечественной поп-музыки. Вместо очередных вариаций «Модерн Токинг» для бедных лидер «Любэ» создает интересные звуковые коллажи, в которых можно услышать и фольклорные интонации, и элементы блатной песни, и отголоски военных маршей сталинской эпохи. Иначе говоря, эта музыка вполне национальна — в песнях «Любэ» мы слышим отголоски российских плясовых традиций.

Привлекает не только музыка, но и тексты. Поэт Саша Шаганов с сентиментальной ностальгией обращается к «люберецкой» тематике, у него есть интересные зарис-

совки из нашей истории (особенно первых послереволюционных лет, к примеру, песня «Батяка Махно»), из жизни заблудившихся на дорогах жизни законопослушных молодых («Станция Таганская», «Рулетка», «Ночь»).

Разумеется, успех «Любэ» мог бы и не стать столь впечатляющим, если бы основным «толкователем» идей Матвиенко и Шаганова не стал очень характерный, немало переживший разного песенного материала вокалист Николай Расторгуев. Коля долго путешествовал по различным коллективам, пел и в «Лейся, песня!», и в «Рондо», и в «Шестеро молодых», но только в «Любэ» он смог полностью раскрыться и стать явным вокальным и артистическим центром коллектива.

Сегодня у «Любэ» хватает славы, интересных предложений: группа не только не знает проблем с публикой на наших бескрайних просторах, но и приглянулась менеджерам из Англии, Австрии и ФРГ. Скоро должны состояться первые зарубежные гастролы. В ближайших планах запись нового студийного альбома, новая концертная программа, где партнером «Любэ» станет народный хор. ■

Михаил СИГАЛОВ

Фото Р. ЮНИСОВА

